

Наталья Налянова

Изумительное дело

Следующая история
из жизни Жанны Фурасьевой

Наталья Налянова
Изумительное дело

«Издательские решения»

Нальянова Н.

Изумительное дело / Н. Нальянова — «Издательские решения»,

Жанна не может жить без приключений. Она так устроена. И в этот раз она попадает в историю, которую смело можно назвать судебным триллером губернского масштаба. Перед Жанной стоит невыполнимая задача. Но именно это и привлекает её. Она дерзает добиваться невозможного. Удастся ли ей сделать это в суде? Судебные реалии наших дней — «из первых рук».

© Нальянова Н.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	11
III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Изумительное дело
Следующая история
из жизни Жанны Фурасьевой
Наталья Нальянова**

© Наталья Нальянова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Сосуды мозга не хотят разжиматься, игнорируя действие утренней зарядки и большой чашки молотого кофе.

Уже неделю стоит тепло среди зимы — совсем не по правилам и не ко времени. Мое тело проводит акцию протеста против природного катаклизма.

Под порывами теплого ветра раскачиваются голые ветки рябины под окном. Двор и сад плавают в талой воде. Серая картина мира являет собой апофеоз деструктивности и полного отсутствия красоты и смысла.

Наблюдая эту картину через окно второго этажа своего дома в пригороде, я думала о том, что ещё немного, и я сама начну так же раскачиваться из стороны в сторону и стану деревом.

— Мне очень-очень скучно, — пожаловалась я. — Так жить я больше не могу.

— Как это «так»? — удивился супруг Михаил. — Тебе надоел валютный рынок?

— Да не рынок мне надоел, а такая жизнь. Каждый день одно и то же: подъём, зарядка, душ, завтрак и компьютер до самого вечера. А потом, — в лучшем случае, карточные игры. Никаких новых впечатлений, общения с людьми. Событий никаких нет. Просто застой какой-то, болото. Я скоро закричу! — Разговорившись, я почувствовала себя чуточку лучше.

— Пойди в тренажёрный зал, — не отрывая глаз от экрана монитора, посоветовал супруг.

— Мне это не помогает. Я лучше пойду и устроюсь на работу. Хочу жить новой жизнью, — решительно заявила я, вдохновляясь новой идеей.

— Ты думаешь, что так легко найти хорошую работу? Это невозможно. Если работа интересная — за неё мало платят. А за скучную или грязную работу кое-что заплатят, но долго такую работу тоже не вынесешь. — Занудливая разумность Михаила иногда меня просто бесит. А от его пессимизма несет старозаветной затхлостью. Своими сентенциями он просто вынуждает меня доказывать ему обратное. Но спорить с ним — что зимой снег в Магадане убирать: сегодня всё очистил, а завтра опять намело.

Поэтому я мало спорю на словах, а стараюсь больше делом доказывать свою правоту.

К завтрашнему дню я приготовила несколько экземпляров копий своих документов об образовании, трудовой книжки, резюме для различных юридических должностей, рекомендательные письма. Подлинники этих документов хранятся у меня в образцовом порядке.

После обеда наш садовник, сторож и водитель Андрей Иванович по моей просьбе привёз мне газеты с предложениями о трудоустройстве. А я к этому времени уже изучила в Сети предложения о работе.

Подведя итог собранным сведениям, я выяснила, что вакансий масса. И есть заманчивые предложения.

Правда, приличных денег почти никто не обещает. Но ведь не корысть же движет мной в поисках работы! А что же тогда? Не знаю и не хочу знать. Пока.

Разумеется, задарма я работать не стану. Считаю это совершенно безнравственным. Значит, выберу оптимальный вариант: работа должна подходить мне по профессиональному образованию, опыту, отвечать моим интересам и оплачиваться в размерах средней по региону заработной платы.

Уточнив в Сети размеры среднего заработка, я не испытала восторга. Честно признала, что придуманный мной оптимум годится только на то, чтобы им искренне и бескорыстно восхищаться.

Но денег это мне принесёт гораздо меньше, чем фондовый и валютный рынок. Михаил меня ни за что не поймёт. Он свято верит, что торги — самое лучшее из всего, что придумано человечеством для самореализации. Но ведь это Михаил!

О себе я твердо знаю, что не сумею жить на такую маленькую зарплату. Мне просто не приходилось так жить. Денег у меня уже давно столько, что я не чувствую их недостатка. Но это совсем другие суммы, чем средняя по региону заработная плата.

Говорят, что это особый дар — мало зарабатывать и не чувствовать себя бедным.

Мне он категорически не даётся. Самоотверженные заявления некоторых стареющих матерей и жен о том, что они умеют жить на любые деньги, меня не восхищают, а вызывают возмущение либо жалость.

Так на что же я буду жить, бросив свой доходный промысел, спрашивается?

От услуг Андрея Ивановича и моей помощницы Ираиды я отказаться я не могу. Это выше моих сил. И что же?

А то, что у меня есть муж, который успешно зарабатывает на фондовом рынке.

Имеются еще облигации и акции нефтегазового комплекса. Депозиты в банке, в рублях и евро. Червонцы. Земля. Доли в строящемся жилье. А на повседневные расходы — несколько банковских карт с кругленькими суммами. Так что последний кусок я не скоро доем. Могу себе позволить смену деятельности.

На следующий день Михаил отказался везти меня в город, малодушно ссылаясь на занятость. И Андрей Иванович повёз меня на своей нафуфыренной шевроле-ниве.

О комфорте я не говорю. Но мне было приятнее сидеть и рассматривать все вокруг, нежели крутить баранку.

Машина резво карабкалась по крутому обледенелому подъёму к центру города. Путь нам предстоял неблизкий.

Наш древний город начинался тысячу лет назад на высокой горе. С тех пор он разросся, спустился на равнинную часть, перелез на другую сторону большой реки и лениво раскинулся по обоим её берегам.

Деловой центр исторически занимает самую старую верхнюю часть города. Там же, при деньгах, располагаются и городские власти. Поэтому мой путь с неизбежностью пролегал наверх.

Подъём растянулся на несколько километров. Транспортные артерии строились в этом месте города с учётом ограничений по крутизне склона и состоят из многочисленных объездных путей по узким ленточкам асфальта, проложенным в извилистых складках горы. Эти дороги у нас называются съездами.

На отдельных участках запрещенная крутизна съездов всё же присутствует.

Несмотря на эти условности, мощные потоки деловых людей на «железных конях» быстро носятся вверх-вниз по склону, демонстрируя высокую деловую активность.

Но отчего-то сегодня движение замедленное, образовалась тугая пробка. Что же, хотелось бы знать, мешает движению?

Андрей Иванович — водитель опытный и со здоровым самолюбием. Поэтому он не смог дожидаться, пока пробка рассосётся сама собой, и стал ловко маневрировать между машинами, протискиваясь наверх.

Никаких правил он особо не нарушил, никого не задел и не обидел и вскоре добрался почти до верха подъёма.

Тут-то мы и увидели, кто мешает движению.

Это был мужчина на чёрной тойоте, мотор которой то и дело оглушительно выпускал дух: чёрно-синие облака клубами рвались из выхлопной трубы, машина надрывалась от рёва мотора, но ехать явно не хотела. Раньше мне никогда не приходилось видеть, чтобы японские машины так открыто бунтовали против воли хозяина.

А хозяин уже совсем потерял терпение и вышел из машины, хлопнув дверцей. При этом в правой руке он держал руль. Видимо, он с такой страстью пытался заставить машину двигаться, что вырвал рулевое колесо «с корнем».

— Подвези наверх, — мрачно попросил он Андрея Ивановича.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила я мужчину с рулём, открывая дверцу машины.

— Зараза старая, а не машина. Просто трахома какая-то, — кипятился наш пассажир, обнимая рулевое колесо, которое зачем-то захватил с собой в салон нашей машины.

— А почему же ездите на такой машине? — задал разумный вопрос Андрей Иванович.

— Так это же служебная! — пояснил страдалец. — Кстати, меня зовут Евгений Петрович, — представился он.

— А почему сами-то за рулём служебной машины? — выруливая на проезжую часть, поинтересовался Андрей Иванович.

— Да я вообще не могу ни с кем ездить. Сейчас такие водители приходят на работу, что просто руки отбить хочется. Вечно у них то машина неисправна, то они попадают в ДТП, то кто-нибудь «разденет» машину. А культуры вождения нет и в зародыше.

— Да вы наверно мало платите им. Сейчас ведь любой квалифицированный работник знает себе цену и за «просто так» не работает, даже если и устраивается на эту работу, — включилась я в обсуждение актуальной для меня темы.

— У нас в администрации города для технического персонала оклады очень маленькие. Но я же не могу из своего кармана им добавлять! Мне тоже не платят длинных рублей, — доходчиво пояснял свою позицию наш спутник.

— Извините за нескромность, Евгений Петрович, а кем вы в администрации работаете? — между прочим, поинтересовалась я.

— Извиняю, тем более, что вы меня так выручили. Я вам благодарен за то, что вытащили меня из этой трубы. А работаю я заместителем главы администрации.

— Знаете, я ищу работу по юридической специальности. Вам не пригожусь? — по своему обыкновению я прямо «взяла быка за рога».

— Давайте ваши документы. Я их передам директору департамента правовой работы и сегодня после обеда или завтра с утра вам позвонят и скажут ответ на этот вопрос, — так же прямо и конкретно ответил он.

Я поняла, что это человек моего склада. Он реагировал быстро и решительно.

Его одобрительный взгляд говорил о том, что я ему тоже импонирую.

Передавая ему папку с документами, я вложила туда свою визитную карточку, хотя мои координаты были указаны и в резюме.

А Евгений Петрович уже звонил кому-то по сотовому телефону и отдавал указания о судьбе своей зловредной машины.

Андрей Иванович довёз нашего VIP-пассажира на самый верх горы и высадил возле здания городской администрации.

А мы направились в ЗАО «Арал», которое стояло первым в моём списке потенциальных работодателей.

ЗАО размещалось в старинном здании, вид которого говорил о том, что у этой организации бизнес идёт неплохо. Начальник отдела кадров, терпеливо выслушала меня и сказала, что юрист им нужен для обеспечения отношений с таможней.

Таможенный кодекс не относится к числу законодательных актов, которые у меня вызывают большой интерес. И я никогда не занималась такой работой. Очевидно, с этой организацией у нас разные судьбы.

Следующим по списку шло кадровое агентство «Персонал-центр», предлагавшее множество престижных и интересных должностей в разных организациях города.

Профессионально-любезный молодой человек в модных очках — специалист по персоналу — выслушал меня и рекомендовал пройти за плату тренинги по любой специальности.

Я ответила, что обдумываю это предложение. А в отношении привлекательных вакансий, указанных в газетном объявлении он многозначительно пояснил, что они предоставляются по конкурсу, который пройдет через две недели. Это мне не подходило, работа мне нужна была прямо сейчас.

Вернувшись в машину, я внимательно и более критично пересмотрела свой перечень и остановилась на страховой кампании «Три кита».

Андрей Иванович подвёз меня к парковке возле офиса этой кампании и поехал по своим делам. Встретиться мы договорились через час.

Однако для собеседования мне понадобилось гораздо меньше времени.

Зайдя в офис, я обратилась к дежурному на проходной и изложила свою проблему. Он направил меня к начальнику отдела кадров. Зайдя в указанное помещение, я слегка растерялась при виде открывшейся мне картины.

Группа людей сидела тесным кружком на полу, подложив под себя ноги. Все они монотонно раскачивались, повторяя какие-то заклинания.

— Присоединяйтесь, — велела мне властная дама с седыми волосами.

— Зачем? — поинтересовалась я — У меня совсем другие задачи.

— Садитесь молча, — зашипела она. — И не мешайте работать.

— Так это у вас работа такая?! — удивилась я.

— Выйдите вон, или вас выведут, — грозно молвила она.

— А вы попробуйте вывести. А вначале догоните! — засмеялась я. — Впрочем, нам, очевидно, не по пути. Так что и спорить не о чем. Желаю успеха. — И я закрыла за собой дверь, не заботясь о громкости её стука.

«-На сегодня можно ограничиться достигнутым», — думала я. — «А завтра будет видно, куда двигаться дальше. Ведь кому-то же обязательно нужны квалифицированные специалисты и трудолюбивые работники. И я найду таких нуждающихся, во что бы то ни стало».

Мне вспомнилась моя прежняя работа. В этот яд, выпитый некогда, моя предательская память добавляла всё больше мёда.

Теперь я с удовольствием вспомнила своих бывших сослуживцев и почувствовала, что хочу их видеть.

Но работать с генеральным директором Биркиным я бы больше не смогла, даже если бы он даже предложил мне самую высокую должность. Моя душа это категорически не принимала.

Вспоминая его методы руководства, я немного погуляла в сквере, который занимал центральную часть площади. Постояла возле парапета моста, полюбовалась сверху панорамой города и нашла примерное местоположение своего дома.

Мысль о доме пробудила чувство голода, и я поняла, что хочу Ираидино борща с мясом, с зеленью и со сметаной. Горячего. Да и подъехавший Андрей Иванович выразил аналогичное желание. Домой мы доехали, установив местный рекорд скорости.

Ароматы фирменного обеда Ираиды не долго искушали мою изголодавшуюся плоть. Быстренько переодевшись в мягкую пижаму и вязаные носочки, я воздала должное борщу и переместилась в кресло-качалку в ожидании, когда в желудке освободиться хоть немного места для кофе и десерта.

«В бананово-лимонном Сингапуре — пуре — пуре...», — нежась, напевала я.

— Ну, что, нашла? — прервал мои грёзы Михаил, этот совершенно прозаический человек, непонятно за что удостоившийся статуса моего супруга.

— Что именно? — уточнила я.

— Да работу же, работу! Ты ведь работу ездила искать? — не унимался он.

— Нашла, — равнодушно ответила я.

— Какую? Где? — приставал он.

— Сюрприз будет. Завтра всё узнаешь, — я уже совсем укачала себя в кресле, и мои глаза закрылись. «Приставала» сходил в спальню, принёс тёплый плед из верблюжьей шерсти и заботливо укрыл меня. Сто пудов — сейчас он побежит пытаться Андрея Ивановича о том, где мы были, да как, да что — и так далее.

А потом уткнётся в экран монитора и просидит как пень до самого вечера.

Мой жесткий неокритицизм в отношении супруга проистекал ещё и из того обстоятельства, что благоверный вот уже несколько месяцев безбожно обманывал меня в карточной игре. И я не всегда понимала — каким образом.

Своё негодование я выражала холодностью в обращении, а также в форме справедливой критики его мировосприятия, привычек и образа жизни в целом. Хотя раньше подобные демарши мне были крайне не свойственны. Но он меня здорово доставал своим жульничеством. Кто бы мог об этом сухаре и педанте подумать такое?

II

Меня пробудил тонкий пронзительный свист, в котором было что-то смутно знакомое. Пытаясь вспомнить, что же это такое, я настойчиво, но безуспешно вырывалась из пучины сна. Помог мне Михаил:

— Да возьми ты, Христа ради, свой сотовый. Тебе звонят. И отключи этот жуткий звонок. Свихнуться можно от этого свиста мин. Я скоро здесь траншею начну рыть. Прямо в комнате. Неужели нельзя подобрать что-нибудь мелодичное? — нудел он.

— На вас не угодишь, сударь. То вам мой музыкальный вкус кажется примитивным. А то и немзыкальные пассажи раздражают. Мне лично такой звонок нравится — сразу мобилизует внимание и включает в дело, — вполне резонно заметила я, утихомиривая свой «Nokia», который не только безумно свистел и вибрировал, но и ритмично сигнализировал светящейся панелью. Маленький, а столько шума. Он мне нравился.

— Слушаю вас, — доброжелательно сказала я, включив связь.

— Это Жанна Валерьевна Фурасьева? Вас беспокоят из администрации города. Директор департамента правовой работы Шалун Игорь Иосифович приглашает вас завтра к десяти часам для заключения трудового договора, — произнёс приятный женский голос. — Вам предлагается муниципальная должность консультанта по юридическим вопросам.

— Благодарю вас. Буду обязательно, — с достоинством ответила я. — Мне, конечно, хотелось поинтересоваться, почему департаментом правовой работы руководит какой-то шалун, но я не нарушила делового этикета и протокола.

Проигнорировав полный любопытства взгляд Михаила, я неторопливо прошествовала в кухню и попросила Ираиду сервировать стол для чая и кофе в гостиной.

Моя неторопливость была чистым притворством. Меня буквально раздирало нетерпение узнать, в чём будет заключаться моя работа, подойдёт ли мне она, какое мне предложат денежное содержание, какие у меня будут сослуживцы.

И какой он, этот директор департамента правовой работы Игорь Иосифович Шалун?

Шалун оказался большим человеком. Как он помещался в своём кресле — я решительно не могла взять в толк.

Говорил он так складно и убедительно, что я моментально почувствовала опытного манипулятора и насторожилась. — Дух Биркина витал в этой комнате.

Но как я ни противилась, он всё же произвёл на меня приятное впечатление и расположил к себе. Мне очень не хотелось, чтобы он оказался совсем уж похожим на моего прежнего начальника, поэтому я изо всех сил боролась с искушением довериться ему, дабы не стать разменной фигурой в его игре.

Он расспросил о моём опыте работы в судах и был удовлетворён ответом.

— А приходилось ли вам вести дела по искам о возмещении вреда здоровью? — допытывался он.

— Конечно, приходилось. В нынешних производственных условиях случаи причинения ущерба здоровью часты и практически неизбежны.

— Ну, вот и отличненько. У нас есть для вас одно совершенно изумительное дело о возмещении вреда здоровью. Им и займётесь. На время работы с ним мы вас направим в управление по спорту. Там есть для вас небольшой кабинетик, компьютер, обеспеченный электронной справочно-правовой системой. И все материалы дела хранятся там. Сейчас я напишу письмо руководителю управления, и с завтрашнего дня можете приступить, — говоря это, он довольно потирал свои белые и мягкие руки.

— И на сколько же вы меня туда отправляете? Насовсем? — поинтересовалась я.

— Пока не выиграете дело, — пояснил он и, увидев мои удивлённые глаза, добавил:

— Да вы не волнуйтесь и не переживайте. У вас там будет одно-единственное занятие — ведение именно этого дела. Можете сами планировать свою работу, но обо всех процессуальных действиях и их результатах докладывайте мне. Денежное содержание будет вам перечисляться на банковскую карточку. Кстати, денежное содержание у вас будет отнюдь не маленьким с учётом того, что юристам, работающим по доверенности администрации города в судах, мы платим хорошие надбавки, а за каждое выигранное дело даём премии в размере процента от выигранной суммы. Рабочий день будет у вас ненормированным. Выходных дней два — суббота и воскресенье. Ну, остальные условия вы узнаете, когда посмотрите законодательство о муниципальной службе и трудовой договор. — Он испытующе смотрел на меня.

Я не задавала вопросов. Этот человек и его обещания вызывали у меня явное недоверие.

Однако любопытство по поводу этого «изумительного» судебного дела уже загорелось внутри. В его синем пламени с треском рассыпались мои благие намерения, напускная предсудительность, осторожность и недоверие к этому человеку. Я сразу приняла предложение о работе и не стала затягивать собеседование, чтобы побыстрее получить доступ к делу.

В отделе кадров я быстро написала заявление о приёме на работу, ознакомилась с трудовым договором и подписала его. С завтрашнего дня мне надлежит приступить к работе.

Вернувшись в приёмную Шалуна, я получила у референта письмо на имя начальника управления по физической культуре и спорту администрации города, узнала адрес управления и как туда добраться.

Оказалось, что это структурное подразделение администрации города расположено в том же районе, где и мой дом.

Это расценивалось мной как отдельное удобство, потому что ежедневная езда на гору уже сейчас казалась мне карой небесной.

Мне очень хотелось приступить к работе сегодня же, но я не стала торопить события и поехала домой.

Оставшуюся часть дня я потратила на детальное изучение Гражданского кодекса, и законодательства о возмещении вреда здоровью. Ознакомилась я и судебной практикой по таким делам. Столь любимая мной электронная справочная правовая система, как и прежде, вполне отвечала моим потребностям.

За ужином я сообщила Михаилу, что нашла работу и рассказала в какой организации.

— Ты совсем не считаешься с моим мнением, — заобижался он. — А может быть, я не хочу работать в одиночестве. Мне требуется твоё внимание, присутствие. Ты совсем не любишь меня.

— Ну и логика у тебя! Я же объяснила, что для меня жизненно необходимо сменить сферу деятельности. Тебе ведь не безразлично моё душевное состояние? Ты-то ведь любишь меня?

— Я-то люблю. Поэтому и нуждаюсь в том, чтобы быть вместе с тобой.

— Мы и так будем вместе. Я тебе буду после работы рассказывать о своих успехах, а ты мне о своих. Представляешь, как нам будет интересно общаться?

— Представляю. Ладно уж, иди, работай. Тебя ведь всё равно не удержишь. Но у меня отчётливое предчувствие, что ты в очередной раз вляпываешься в какую-то дрянь. Бразильский сериал продолжается.

— У меня тоже такое предчувствие. Но остановиться я уже не имею возможности. Мне так интересно! — восторженно восклицала я.

Михаил обнял меня и, поцеловав, прижал к себе. «Маска скорби» проступила на его лице.

— Хороший мой, самый лучший на свете, топтыжка, славный Винни, — шептала я, слушая его тяжкие вздохи. — Я так люблю тебя! Наверно, это уж в последний раз я позволяю себе делать то, что мне хочется. Отпусти меня с лёгким сердцем, а?

— Отпускаю, — милостиво улыбнулся он.

Вечером мы играли в кинга, и Михаил, против обыкновения, совсем не жулил. В итоге я выиграла заказную игру, от чего моё настроение ещё улучшилось.

На следующий день, облачившись в офисный костюм с белоснежной блузкой и элегантную короткую шубку, я приехала в управление по физической культуре и спорту.

Начальник управления прочёл письмо, вызвал начальника финансового отдела, представил ей меня и попросил ввести в курс дела.

— Хохрякова Лидия Александровна, — слегка «окая», представилась она, когда мы вышли из кабинета.

Она взяла в своём сейфе ключ, открыла им дверь маленького кабинета в самом конце коридора, и показала мне два шкафа, где хранились судебные документы. Одну папку она принесла из своего кабинета.

— Вот, последнее дело, — пояснила она и удалилась в свой кабинет.

Папка-скоросшиватель содержала всего два документа — повестку в суд и исковое заявление гражданина Г. И. Клеандрова к управлению по физической культуре и спорту администрации города о взыскании в текущем году расходов на санаторно-курортное лечение в Крыму, включая расходы на проезд туда и обратно, а также расходы на сопровождающее лицо.

Истец писал в своём заявлении, что является инвалидом первой группы в результате травмы, полученной на соревнованиях в 1970 году. По решению районного суда от того же года спортивный комитет Исполкома городского Совета депутатов трудящихся признан виновным в причинении ущерба его здоровью за грубые нарушения правил проведения соревнований.

«По состоянию здоровья нуждаюсь в ежегодном санаторно-курортном лечении в Крыму в санатории для спинальных больных в течение двух месяцев», — писал далее Клеандров. — «На основании предыдущих судебных решений управление по физической культуре и спорту в течение многих лет осуществляет мне выплаты в возмещение вреда здоровью, в том числе: утраченный заработок, возмещение дополнительно понесенных расходов на специальный медицинский и бытовой уход, дополнительное питание, на лекарства и изделия медицинского назначения, а также на санаторно-курортное лечение в г. Саки (Крым) и др.

Согласно приложенному прейскуранту стоимость путёвки на два месяца лечения составляет 90 тысяч рублей. Расходы на сопровождающее лицо составляют 45 тысяч рублей (проживание, лечение и питание в санатории). Стоимость проезда в спальном вагоне туда и обратно составляет 30 тысяч рублей.

Прошу взыскать с ответчика названные расходы, поскольку добровольно он платить отказывается».

Я закрыла папку, отложила её в сторону и осмотрелась на местности.

Папки, стоящие в шкафах содержали судебные решения и исполнительные листы по искам Г. И. Клеандрова за предыдущие сорок с лишним лет. В общей сложности сорок папок — по одной за каждый год. И практически все иски заявителя, которые я увидела в папках, были удовлетворены судом.

«Ну и что же здесь интересного и изумительного?» — думала я. — «Такое дело выиграть невозможно. Разве что обжаловать самое первое решение, которое создало преюдицию. Но его наверно и без меня уже обжаловали. А сейчас уже и сроки давно прошли».

Поискав в самых старых папках сведения об обжаловании первоначального решения, я их не обнаружила. Не нашла я и самого первого решения по иску Клеандрова. На этот судебный акт ссылались все последующие решения, но найти сам документ мне не удалось.

В папке за 1998 год я обнаружила письменные объяснения юриста администрации города Кокриной М. А., представителя ответчика в суде, о том, что на запрос в районный суд с просьбой о выдаче первоначального решения, она получила официальный ответ, о том, что «данное дело уничтожено в связи с истечением сроков хранения». Самого ответа суда в папке не было.

«Здесь есть нечто необъяснимое, — размышляла я. — Надо во что бы то ни стало найти первоначальное решение суда от 1970 года и официальный ответ из суда об уничтожении дела №2—55».

Я снова «зарылась» в документы. Искомое не обнаружила, зато нашла любопытную справку Главного бюро медико-социальной экспертизы о том, что причиной инвалидности Георгия Ивановича Клеандрова является трудовое увечье.

Включив компьютер, я «полистала» «ГАРАНТ», ещё порылась в папках и утвердилась в своих подозрениях о невероятности фактических обстоятельств: инвалид первой группы по трудовому увечью Клеандров, являвшийся ранее работником моторного завода, а ныне застрахованным лицом в течение сорока с лишним лет получает от управления по физической культуре и спорту денежные средства в сумме более 200 тысяч в год.

Кроме того, на средства ответчика за названный период времени им поочередно приобретены четыре автомобиля: запорожец, ока, жигули и хёндай-солярис.

При этом у него также имеется право и на страховые выплаты в связи с потерей здоровья в результате трудового увечья. Во всяком случае, ничто не мешает ему их получать. За ним, как инвалидом, сохраняется право на получение пенсии по инвалидности, бесплатной путёвки на санаторно-курортное лечение один раз в год, бесплатных лекарств, бесплатного специального автотранспортного средства один раз в семь лет на основании Федерального закона «О социальной защите инвалидов».

«Вот это личность! — восхитилась я. — Как просто и красиво! Неужели потомок знаменитого „турецкоподанного“ проживает в нашем скромном городе? В таком случае — какая же мне честь выпала!».

День уже клонился к вечеру. Я пропустила обед, просто забыла о нём, роюсь в пыльных папках.

Чтобы эффективно завершить этот рабочий день и иметь о веществе результат труда, я быстренько написала запрос в Главное бюро медико-социальной экспертизы о том, на основании каких нормативных правовых актов увечье Клеандрова признано трудовым, заявление в суд о выдаче решения по делу №2—55 и запрос в прокуратуру района о том, не сохранилось ли этого дела там.

Письма я отдала секретарю для получения подписи руководителя управления, а также передала через неё просьбу о предоставлении служебного транспорта для поездок по городу.

«Завтра отвезу запросы и заявление по адресам, так как на почтовые отправления у меня не имеется времени, — рассуждала я. — Пора также получить доверенность представителя администрации города для ведения дел в суде. Шалун как-то совсем умолчал об этом».

Пришлось позвонить ему и напомнить о предоставлении необходимых полномочий.

Он ответил, что доверенность на моё имя за подписью главы администрации уже ждет меня в канцелярии департамента правовой работы.

Я оперативно набросала план на завтрашний день. Под номером 1 в план было включено получение доверенности представителя администрации города на ведение дел в суде.

На этом я поставила жирную точку в делах на сегодняшний день и поехала домой.

В доме витали запахи вкусного ужина.

С чувством удовлетворения от того, как прошёл день, я поцеловала Михаила, который всё ещё прозябал за компьютером, вымыла руки, сменила одежду и пошла на кухню, чтобы посмотреть, как идут дела у Ираиды.

На ужин она приготовила фаршированного карпа, салат из цветной капусты и суфле из бананов.

За ужином, несмотря на расспросы, я не особо распространялась о своих делах, поскольку законом о муниципальной службе мне предписывалось не разглашать сведений, ставших мне известными в связи с исполнением обязанностей по муниципальной службе. Значит, нечего болтать и — точка.

Я просто сказала, что работа интересная и мне подходит.

Мы распили за ужином бутылочку сухого испанского вина и, придя в веселое расположение духа, с удовольствием поиграли в кинга.

Карточный турнир продлился за полночь.

В ходе его я обнаружила, как Михаил дважды пытался сменить прикуп после начала игры, а также неоднократно делал попытки сбросить на кон нежелательные карты, имея на руках соответствующую масть.

Такие его номера уже не проходили. Теперь ему придётся повысить свою шулерскую квалификацию. Все эти проделки устраивались им, конечно, в шутку, но сам процесс, как видно, весьма увлекал его своим творческим началом.

Ираида Яковлевна, игравшая с нами в качестве третьего игрока, полностью разделяла моё негодование по поводу уловок Михаила, но не выражала этого явно, так как привыкла считать его своим постоянным партнёром по игре в «дурака» и, следовательно, союзником.

Однако и её лояльность была безграничной. Поэтому игра в целом была азартной, и время мы провели очень весело.

III

Утром следующего рабочего дня я получила в канцелярии доверенность представителя для ведения дел в суде и на машине управления отправилась по адресам прокуратуры, главного бюро медико-социальной экспертизы, районного суда, рассматривавшего иски Клеандрова в течение более сорока лет.

По степени удалённости от моего места работы первым располагалось Бюро медико-социальной экспертизы. Туда я и направилась.

Осмотревшись, я решила отдать письмо руководителю лично.

Заодно и расспросила её о том, поступали ли в отношении Клеандрова подобные запросы раньше.

Служба делопроизводства проверила это и установила, что никто официально не интересовался Клеандровым и его увечьем.

Пока мы беседовали по поручению руководителя Бюро его помощницей был подготовлен письменный мотивированный ответ со ссылками на нормативно-правовые акты о том, что увечье Клеандрова официально признано трудовым.

В суде мне не удалось так быстро и эффективно сделать задуманное. Моё заявление было принято только после соответствующего согласования с судьёй Волоковой Л. О., которая вела в течение последних лет дела Клеандрова.

Судье явно не понравился мой интерес к этому древнему делу.

Однако, удостоверившись в моих полномочиях, Людмила Олеговна всё же согласилась выдать решение и написала соответствующую резолюцию для работника судебного архива.

В архиве суда меня ждал сюрприз: на двери помещения, декорированной толстой металлической решёткой, висел мятый клочок бумаги с лаконичной надписью: «Работала ночью, ушла отдыхать».

Записка была анонимной, но по её смыслу было понятно, что это манускрипт архивного работника.

Удивившись такой простоте нравов, я пошла к заместителю председателя суда и, представившись, попросила разъяснить причины нарушения режима рабочего времени специалистами суда.

Причин мне не объяснили, но, видимо, они были настолько тривиальными, что в архив самолично направилась начальница канцелярии по гражданским делам.

Она долго обхаживала стеллажи и, наконец, выдала «вердикт» — дела №2—55 в архиве не имеется, поскольку оно уничтожено в связи с истечением сроков хранения.

Пришлось снова подниматься к заместителю председателя суда за разъяснениями о том, почему дело, имеющее доказательственное значение по делам, находящимся в производстве суда, уничтожено.

Сия интеллигентная дама прямо назвала это безобразием и, по личной инициативе, стала звонить в районную прокуратуру, припомнив, что лет пятнадцать назад она, будучи ещё простым судьёй, направляла какое-то дело по запросу в прокуратуру, и истцом в этом деле был означен гражданин с такой редкой фамилией как Клеандров.

При этом она даже пояснила своему телефонному собеседнику, что дело разыскивается ответчиком в лице представителя администрации города.

К тому моменту, когда я приехала в прокуратуру, сведения о деле №2—55 там уже были собраны.

Подав письмо дежурному прокурорскому работнику, и, сообщив ему о предварительном звонке из суда, я получила ответ, что дела такого в прокуратуре не имеется, но решение по нему найдено в архиве районной прокуратуры.

Мне также было разъяснено, что копию решения суда по делу №2—55 от 1970 года я смогу получить в районном суде после того, как копия с решения будет изготовлена.

Вернувшись в суд, я не поленилась ещё раз зайти к заместителю председателя суда и получила от неё обещание выдать копию названного решения не позднее, чем завтра.

Приехав на работу, я пошла в столовую и слегка подкрепилась, так как наступило время обеденного перерыва.

Пища, которую подавали в этом заведении, не казалась очень съедобной как на вид, так и по запаху. Поэтому я ограничилась салатиком из капусты с зеленым горошком и натуральным кофе.

Вдыхая запах напитка, я размышляла о талантливости местных пищевиков — им удалось из натурального растительного продукта сделать нечто совершенно неузнаваемое.

Рискнув здоровьем и закрыв глаза, я допила чёрное питьё, похожее на настой древесного гриба.

Не дожидаясь появления признаков отравления, я вернулась в свой кабинет, и снова погрузилась в материалы прошлых дел Клеандрова.

Его исковые заявления семидесятых годов были написаны от руки, последующие — уже содержали машинописные тексты. С девяносто пятого года появился шрифт «Arial», свидетельствующий о применении компьютера.

Почерк в старых исковых заявлениях был очень неразборчивым и свидетельствовал о том, что рука автора очень слаба и дрожит.

Линии букв были извилистыми и то и дело вылезали за ширину строк. Вид заявления вызвал к жалости адресата. Заслуживал ли он её на самом деле — я пока не знала.

Рукописные заявления были короткими и эмоционально окрашенными. Заявитель ссылался на то, что во время соревнований по велоспорту в 1970 году он защищал честь моторного завода, на котором работал учеником слесаря-ремонтника, а позже — фрезеровщиком. Но, столкнувшись по вине спорткомитета с другим спортсменом-гонщиком, упал и получил травму позвоночника, из которой развилось увечье в форме пареза ног и рук, что привело к полной утрате способности самостоятельно передвигаться и инвалидности.

«Хотелось бы мне почитать решение суда от 1970 года об обстоятельствах его падения! — думала я. — И что же такое сделал спорткомитет, что при наличии живого причинителя вреда был признан виновным в причинении ущерба здоровью истца?!».

Листая страницы папки по делу за 1971 год, я обнаружила там копию протокола судебного заседания, в которой говорилось о том, что представитель спорткомитета передал в судебное заседание материалы работы городской коллегии по спорту.

Из них следовало, что этой коллегией были внимательно изучены все обстоятельства проведения соревнований по велоспорту в 1970 году, опрошены многие участники этого меро-

приятя, а также свидетели, благо, что зрителями на тех соревнованиях были представители спортивной общественности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.